

РУССКИЕ ИДУТ? СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЧЕХИИ: ЧИСЛЕННОСТЬ И ДЕМОГРАФИЯ

Русские и русскоязычное население Чехии представляют собой небольшую, относительно недавнюю и все еще формирующуюся группу. Ее образуют выходцы из России и других бывших советских республик. Поток российских переселенцев в Чехию не был массовым ни в послесоветские десятилетия, ни тем более теперь, когда Евросоюз применяет жесткие антироссийские санкции. В последние годы русскоязычная Чехия более пополняется гражданами других постсоветских государств. Стараясь привлечь в свои пределы молодых трудоспособных высококвалифицированных работников и, ожидая, что те станут выгодными налогоплательщиками, Чехия не спешит признавать за ними полные гражданские права. В то же время, благодаря своей мотивации, образовательной и профессиональной подготовке, умению преодолевать межкультурные и языковые различия, русские в этой стране зачастую превосходят другие переселенческие группы по экономическому и социальному положению, а по некоторым параметрам опережают и местное население. При общей небольшой численности, официально оцениваемой в Чехии десятками тысяч человек (по нашим оценкам, порядка 100 тыс.), русские и русскоязычное меньшинство рассредоточены по всем крупным и средним агломерациям. Это объясняет, почему невозможно получить о них адекватное представление на основе одних только интервью и выборочных опросов. Чехия отличается от многих европейских стран скрупулезной государственной статистикой, анализ которой дает возможность оценить не только фактическую численность, но и выявить уровень образованности, масштабы вовлеченности в производительные виды труда, понять этнокультурные, языковые и гражданские ориентиры этой группы населения. В самой Чехии проблема русского присутствия остается малоизученной. Анализ итогов новой государственной переписи, проведенной в этой стране, убеждает, что демографические и кадровые утраты России, произошедшие в первые послесоветские десятилетия, должны стать предостережением и послужить гарантией от повторных промахов в деле совершенствования отечественной политики поддержки человеческого потенциала.

Ключевые слова: русские в Чехии, переписи населения, этнокультурная идентичность, языковая идентичность, миграция, демография, социальная структура

Ссылка при цитировании: Степанов В. В. Русские идут? Статистический опыт Чехии: численность и демография // Вестник антропологии. 2026. № 3. С. 219–242.

Степанов Валерий Владимирович — к. и. н. ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: ewarn@mail.ru

* Публикация подготовлена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН по теме «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (код: FMNU-2026-0006).

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/219-242

Original article

© Valery Stepanov

ARE THE RUSSIANS COMING? STATISTICAL EVIDENCE FROM THE CZECH REPUBLIC: POPULATION AND DEMOGRAPHICS

The Russian and Russian-speaking population in the Czech Republic constitutes a small, relatively recent, and still evolving community. It is composed of migrants from Russia and other former Soviet republics. The influx of Russian settlers to the Czech Republic has never been massive, neither in the post-Soviet decades nor, even less so, now, as the European Union enforces strict anti-Russian sanctions. In recent years, the Russian-speaking population of the Czech Republic has grown primarily through an influx of citizens from other post-Soviet countries. Although the Czech Republic seeks to attract young, highly skilled professionals in the hope of securing a reliable tax base, it remains reluctant to grant them full civil rights. Nevertheless, driven by strong motivation, solid educational and professional credentials, and an aptitude for navigating cultural and linguistic differences, Russians in the country often enjoy a higher economic and social standing than other migrant groups, and in some metrics, even outpace the local population. Despite their relatively small total number — officially estimated at tens of thousands in the Czech Republic (though our own estimates suggest around 100,000) — the Russian and Russian-speaking minority is dispersed across all major and mid-sized urban areas. This makes it impossible to gain an accurate understanding of this group based solely on interviews and selective surveys. The Czech Republic stands out from many European countries with its meticulous state statistics. The analysis of these statistics makes it possible not only to estimate the actual population size, but also to determine educational levels, the extent of involvement in productive labor, and to understand the ethnocultural, linguistic, and civic orientations of this demographic group. Within the Czech Republic itself, the issue of the Russian presence remains understudied. An analysis of the results of the recent national census conducted in the country confirms that the demographic and human capital losses suffered by Russia in the first post-Soviet decades should serve as a warning and a safeguard against repeating past mistakes in refining domestic policies to support human potential.

Keywords: Russians in the Czech Republic, population censuses, ethnocultural identity, linguistic identity, migration, demography, social structure

Author Info: Stepanov, Valery V. — Ph.D. in History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: eawarn@mail.ru

For citation: Stepanov, V. V. 2026. Are the Russians Coming? Statistical Evidence from the Czech Republic: Population and Demographics. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 219–242.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology. Project “The Russian People: Traditions, Values, and the Image of the Future” (code: FMNU-2026-0006).

Понятие *русские* в восточноевропейских странах остается синкретичным, оно вмещает обобщенное представление о принадлежности к бывшему СССР, так и о принадлежности к современной России, о русскоязычии в целом, так и об этническом и культурном определении и самоопределении. Такое понимание весьма распространено и среди самих выходцев из постсоветских государств. В Чехии этническая и языковая самоидентификация населения фиксируется государственной статистикой. Для этого методом опроса в переписях населения государственные службы собирают сведения об этнической принадлежности и родном языке каждого жителя. Применяется термин *národnost* (народность), под которым понимается национальность в этнокультурном значении¹. Также применяется термин *mateřský jazyk* (материнский / родной язык) (Scitani lidu 2021: 68, 224). Сочетание этих сведений с информацией о гражданстве (*státní občanství*) респондентов, их месте рождения, текущем и прежнем месте проживания, а также иных характеристиках дает некую картину этнокультурного состава населения страны. И в этой картине относительно четко и отчасти туманно проступают контуры русского присутствия.

Возможно, из-за небольшого удельного веса в составе жителей Чехии (порядка одного процента или менее), чешские демографические исследования пока не уделили достойного внимания русскоязычному и русскому населению. Имеющиеся научные работы сосредоточены на проблемах интеграции и особенно на политических аспектах, они в меньшей мере используют переписную статистику, отдавая приоритет социологическим источникам (обзоры: Drbohlav 2004; Vavrečková, Dobiášová 2015; Ignatyeva 2020; Klvaňová 2018; Jirka 2025: 235).

Вместе с тем, в отличие от многих европейских государств, официальная чешская статистика, несмотря на свою консервативность и инерционность, старается приспособиться к культурным и социальным реалиям. Начиная с переписи населения Чехии 2011 г., а затем и в переписи 2021 г., в этой небольшой европейской стране с десятиmillionным населением каждый житель получил возможность указать более одной этнической принадлежности и более одного родного языка. Собрать такую информацию Чешскому статистическому управлению было важно не только для подсчета случаев двойственной этнической идентичности (например, в смешанных семьях чехов и словаков), но и для изучения весьма распространенного явления, при котором люди оценивают собственную культурную идентичность одновременно и по этническому признаку, и по принадлежности к стране, и по иным основаниям. Заявленная государством цель — совершенствование социальной и культурной политики, признание национальных меньшинств (Scitani lidu 2021: 68).

В чешской статистике этнические русские зафиксированы как наиболее заметная переселенческая группа наряду с численно преобладающими этническими украинцами и вьетнамцами. Но, поскольку, согласно чешскому законодательству, права национальных меньшинств распространяются исключительно на граждан Чехии², русские в

¹ Разъяснение для населения на переписном листе 2021 г. понятия народности/национальности: «*prislusnost k narodu, narodnostni nebo etnicke mensine*», т. е. принадлежность к народу, национальному или этническому меньшинству.

² Закон Чешской Республики № 273/2001 от 10.07.2001 «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» пунктами 1 и 2 параграфа 2 устанавливает, что национальное меньшинство есть сообщество граждан Чешской Республики, образующих численное меньшинство и отличающихся этническим происхождением. Членом национального меньшинства является гражданин Чешской Республики, объявляющий себя лицом иной, а не чешской национальности.

этой стране в основном не имеют доступа к такому статусу. Соответственно, чешские статистические службы особого внимания этой группе не уделяют. В официальных аналитических публикациях содержатся лишь отрывочные упоминания общего характера, а конкретная информация о русских может быть получена только по запросам из баз данных Чешского статистического управления и только — в виде числовых рядов.

При фиксации двойственных характеристик получаемые цифровые результаты состоят из пересекающихся множеств и итоговые суммы превосходят совокупность переписываемого населения. Хотя неоднозначность подсчетов создает некоторые неудобства потребителям информации, следует признать, что «статичная» статистика обретает способность фиксировать пластичные социальные явления. Чешский опыт тем более ценен в современных условиях Европы, когда понятие этнической и культурной идентичности испытывает значительное идеологическое и политическое давление, и особенно это касается вопросов русской и российской принадлежности.

Наряду с тем, что русская самоидентификация находит свое отражение в чешской переписной статистике, цифровые данные, о которых речь пойдет далее, следует воспринимать не как конечные, а скорее как нечеткие множества. Понятие нечеткости широко применяется в математической статистике и, как представляется, вполне пригодно для анализа социальных реалий.

Число россиян и других соотечественников

Современное русское и русскоязычное население Чехии в основном формировалось в короткие сроки постсоветских десятилетий за счет выходцев не только из России, но и буквально всех постсоветских государств. Однако начало этого процесса не имеет статистической определенности. В официальных итогах переписи Чехословакии 1991 г., проведенной еще в рамках общего государства, сведения о гражданах СССР не значились. В свою очередь, в современных статистических изданиях и официальных электронных источниках сообщается, что в пределах Чехии по переписи числилось 5,1 тыс. этнических русских (эта цифра не менялась с переписи 1980 г.) и 8,2 тыс. этнических украинцев (*Population by Ethnicity 1980–2021*). При этом в социалистической Чехословакии находилось 75 тыс. советских военных, 39 тыс. членов их семей и 5 тыс. гражданских рабочих, которые затем были выведены из страны в 1988–1991 гг. (*Cizinci 2024: 6*). Сообщается также, что в те годы численность всех иностранцев в пределах Чехии не превышала 2,2% населения, составляла 223 тыс. чел., и из них большинство значилось «гражданами» Словакии (*Tab. 2.1*). Граждане других государств насчитывали 56,7 тыс. чел. Следует полагать, что какое-то количество из них составляли советские граждане. Очевидно, после вывода советских войск взаимные гражданские контакты продолжились. Это подтверждается статистикой о браках между чешскими и бывшими советскими гражданами из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдавии. В одном только 1995 г. таких браков в Чехии было зарегистрировано несколько сотен, а до конца того десятилетия статистика учла порядка 6 тыс. браков (*Cizinci 2025: tab. 1.12*). Российская статистика на тот период также фиксировала в небольшом и явно неполном объеме взаимные чешско-российские миграции. Во второй половине 1990-х гг. в Чехию на постоянное жительство убыло чуть более 1 тыс. чел., в свою очередь, из этой страны в Россию прибыло 0,3 тыс. чел. (*Сведения о международной 2023*). Чешские исследователи приводят собственные

данные о количестве российских граждан, имевших в те годы разрешение на постоянное проживание в Чехии: в 1997 г. разрешение имели 0,8 тыс. чел., в 1998 г. — 0,6 тыс., в 1999 г. — 0,7 тыс., в 2000 г. — 0,4 тыс. Однако непонятно, каковы причины колебания этих цифр. Также приводятся официальные данные, согласно которым, уже в 1997 г. общее количество российских граждан в Чехии достигало 8,9 тыс. чел., а в 2000 г. — более 10 тыс. (*Drbohlav* 2004: 19, 20, 28). Правда, перепись населения, проведенная в следующем году, такого количества не подтвердила.

После разъединения Чехии и Словакии и взаимного урегулирования вопросов гражданства, количество граждан Словакии на территории Чешской Республики стало статистически уменьшаться, и в переписи 2001 г. общее количество иностранцев в Чехии не превысило 150 тыс. чел. В их составе наиболее заметными по численности (после словаков) оказались граждане Украины — 20,6 тыс. чел. (14% иностранцев). Граждан РФ было в три раза меньше — 7,7 тыс. чел. (5%). Возможно, фактическая численность была несколько большей, поскольку эта перепись учитывала не всех иностранцев, а только проживавших в стране на постоянной основе.

В последующее десятилетие приток иностранцев в Чехию стал расти, их численность, по данным переписи 2011 г., превысила полмиллиона чел. На этот раз учитывали и тех иностранцев, кто находился в стране не менее года — их причислили к постоянному населению Чехии. Среди них, обогнав по количеству словацких граждан, самыми многочисленными стали выходцы из Украины — 116,1 тыс. чел. На тот период они составляли почти четверть иностранцев (23%). В том десятилетии возросло и количество российских граждан — до 31,6 тыс., правда, их удельный вес оставался незначительным (6%) (*Обув.* 4).

В свою очередь, российская статистика не смогла в полной мере зафиксировать это миграционное движение, поскольку далеко не каждая семья, убывающая за рубеж, сообщала административным службам об окончательном переезде (проблема недоучета россиян касалась уезжавших не только в Чехию, но и в другие европейские страны, такие как Испания, Италия, Австрия, Швейцария (*Население России* 2014: 30)). По официальным данным Росстата, за целое десятилетие с 2001 по 2011 гг. из России в Чехию убыло на проживание лишь 2,9 тыс. чел. и вернулось 0,7 тыс. (*Сведения о международной* 2023). Правда, отечественной статистике удалось уловить подъемы и торможения людских потоков. Первый подъем убытия в Чехию происходил под конец 1990-х гг. (возможно, свою роль сыграл объявленный в России дефолт в условиях экономического кризиса 1998 г.). В последующие несколько лет наблюдался спад количества уезжающих, но затем его сменил значительный подъем (видимо, после того, как Чехия стала членом Европейского союза). Пик оттока из России пришелся на 2008 г. (за один год в Чехию уехало 0,4 тыс. чел., это только зарегистрированные данные). Но в дальнейшем подобного всплеска не наблюдалось. Вплоть до 2019 г. происходил постепенный спад убытий из России, который в пандемийные 2020–2021 гг. снизился дополнительно. Кратковременный возврат к увеличению количества уехавших в Чехию отмечен российской статистикой в 2022 г. (зарегистрировано чуть более двухсот убывших). Но в 2023 г. спад продолжился — тогда из России в Чехию убыло 174 человека, а вернулось 94 (*Численность и миграция 2024: таб. 2.5. Международная миграция*).

В самой Чехии группы населения с украинским и российским гражданством продолжали рост, хотя, как показала чешская перепись 2021 г., темпы были ниже прежне-

го. Одной из причин стала пандемия ковида, вызвавшая закрытие границ. В тот период чешская перепись насчитала в стране лиц с украинским гражданством 150,5 тыс. чел. (29% из всех иностранцев), с российским — 35,8 тыс. (7%) (Cizinci 2025: 5). Фактическое увеличение было несколько меньшим, поскольку эта перепись подсчитывала и случаи двойного гражданства, которые прежде в расчет не принимались¹.

В гораздо меньшем объеме на протяжении двадцатилетия в Чехию направлялись миграционные потоки из других постсоветских государств — Молдовы, Казахстана, Беларуси (по несколько процентов от общего количества выходцев из республик бывшего СССР), из Армении и Узбекистана (по одному проценту), из Грузии, Азербайджана, Киргизии (по полпроцента), Литвы, Латвии, Эстонии, Таджикистана и Туркменистана. Общее количество граждан этих государств в Чехии насчитывалось по переписям в 2011 г. 24,5 тыс. чел. (Tab. 614e) и в 2021 г. — 26,5 тыс. чел. (Tab. SLD21051-CR/2).

Вне переписных лет численность иностранцев учитывалась по данным МВД Чехии о снятии и постановке иностранцев на учет. Согласно официальным данным, с 2000-х гг. численность российских граждан в этой стране ежегодно возрастала на несколько сотен чел., иногда — на несколько тысяч чел. При этом максимальная прибавка отмечалась в 2007–2008 гг. (+4,6 тыс. чел. и +3,9 тыс. чел.) и в 2020–2021 гг. (+3,7 тыс. и +3,5 тыс.). Однако с 2022 г. в учетных записях происходило сокращение в среднем на 2 тыс. чел. ежегодно (Cizinci 2025). Наоборот, число граждан Украины в Чехии, по регистрационным данным, увеличилось в 2022 г. сразу на 439,4 тыс. чел., потом уменьшилось в 2023 г. на 61,8 тыс. и в 2024 г. на 15 тыс. чел., затем вновь возросло на 23,5 тыс. По состоянию на конец 2025 г., в Чехии числилось 37,5 тыс. российских граждан и 613 тыс. украинских граждан (Number of Foreigners). Следует учесть, что эти ведомственные цифры больше переписных, поскольку включают и лиц, проживающих в Чехии менее года, тогда как переписная цифра показывает постоянное население (проживающих год и более).

По поводу демографических перспектив, можно полагать, что пополнение российской диаспоры в Чехии в настоящее время завершается или близится к завершению. В свою очередь, пополнение русскоязычного населения Чехии из других постсоветских государств продолжается, и, видимо, особенно далек от своего завершения процесс пополнения выходцами из Украины.

Какая именно часть этнических русских в Чехии имеет чешское гражданство, из официальных источников выяснить затруднительно. Некоторое представление дают цифры о количестве граждан Чехии среди уроженцев России — по данным чешской переписи 2021 г., таковых 17,9%. Среди уроженцев Украины чешские граждане составили 13,5%, среди уроженцев Беларуси — 17,8%, среди уроженцев Молдовы — 10,3% (Обув. 1: 14). Эти данные не вполне сопоставимы с данными о приобретенном гражданами этих государств чешского гражданства (см. далее), поскольку на пространстве бывшего СССР страна рождения и страна гражданства зачастую не совпадают.

Сведения о приобретении чешского гражданства российскими и другими гражданами постсоветских государств также дают некоторое представление о масштабе натурализации русскоязычного и русского населения в Чехии. Почти за четверть века с 2001 г. по 2024 г. чешское гражданство получили только 36,3 тыс. чел. (Cizinci 2025:

¹ В чешской переписи 2011 г. случаи двойного гражданства, хотя и учитывались при сборе сведений, в официальных итогах подсчитаны без указания государств в сводной категории «гражданство Чехии и другого государства».

tab. 1.15). Исходя из наличия сопоставимых данных (с 2004 г.), накопленный за двадцатилетие итог приобретения гражданства составил порядка 14%. При этом из числа проживающих в Чехии россиян приобрели гражданство этой страны 27%, из числа граждан Беларуси — 35%, Казахстана — 26%, Молдовы — 18%, Украины — 11%. Относительно меньший удельный вес получения чешского гражданства гражданами Украины объясняется их большим количеством, особенно возросшим с 2022 г. (по состоянию на 2021 г., накопленная доля получивших гражданство составляла 13%). То есть, привлекая к себе иностранных мигрантов, Чехия не торопится признать их согражданами.

Что касается допустимой длительности проживания в Чехии в качестве иностранцев, эта длительность может колебаться в широком диапазоне. Для продолжительного пребывания действует годовая виза с возможностью продления, а на более длительный срок выдается разрешение на временное проживание, которое тоже может продлеваться. По прошествии пятилетнего легального пребывания в стране, либо по причине воссоединения с семьей и иным гуманитарным соображениям, иностранный гражданин может претендовать на получение разрешения на долгосрочное проживание (вид на жительство) в Чехии и статус резидента ЕС. Таким способом, в условиях естественной убыли, Чехия реализует политику демографического пополнения и омолаживания собственного населения.

По данным на конец 2024 г., из общего количества граждан постсоветских государств, проживающих в Чехии, правом долгосрочного проживания обладала почти четверть (23%), остальные находились в этой стране на временной основе, в основном по разрешению на проживание более года (75%), а не по годовой визе (2%). Согласно этим отчетным данным, проживающие в Чехии граждане РФ, общей численностью 39 тыс. чел., имели право долгосрочного проживания гораздо чаще других — почти две трети случаев (65%); еще более трети находились в стране по разрешению на временное проживание более года (35%), а годовую визу имело очень малое количество (0,2%) (Cizinci 2025: tab. 1.5, tab. 3.1).

В целом правовые условия в Чехии таковы, что проживающие там граждане постсоветских государств фактически становятся частью населения Чехии. Таковыми их рассматривает и государственная статистика при проведении переписей населения.

Факторы притяжения

Уже не одно десятилетие усилиями чешских властей Чехия формирует свой имидж важного европейского центра притяжения квалифицированных кадров (Четверикова 2015: 49–51; Четверикова 2019: 26, 28–30). В этой стране реализуется т. н. активная политика занятости. Приток и отбор иностранцев стимулирован возможностью получения разрешения на долгосрочное проживание (вид на жительство). Такое разрешение выдается и пролонгируется именно тем, кто трудоустроен, либо проходит обучение. Для иностранцев действуют курсы профессиональной переподготовки и курсы чешского языка, причем эти занятия оплачиваются не слушателями, а фондами упомянутой «активной политики занятости», либо напрямую из европейских проектов (Zpráva o situaci 2022: 69, 211).

В опубликованной в 2015 г. монографии «Интеграция русской общины в общество большинства» чешские исследователи, основываясь на социологических интервью, перечисляли побудительные мотивы россиян к переезду в Чехию: недостаточная оплата

труда и якобы высокая безработица на родине, плохо функционирующие там социальные службы и высокий уровень коррупции, низкое качество жизни в целом. Чешские исследователи указывали также на большой интерес россиян к обучению в Чехии, назвав это «одной из характерных черт российского сообщества». Описывая практикуемые россиянами методы переезда в Чехию, исследователи сообщали, что переселения совершаются семейно, однако поэтапно, поскольку сначала обустраивается глава семьи, а затем в Чехию переезжают жена и дети (*Vavrečková, Dobiášová* 2015: 66, 67).

В свою очередь, чешские переписные данные за 2021 г. подтверждают три причины: российские граждане получают разрешение на временное проживание более года в целях трудоустройства или занятий бизнесом — 35%, обучения — 29%, воссоединения с семьей — 29% (*Cizinci* 2025: tab. 1.9).

Этническая принадлежность и язык

Метод сбора сведений об этнической принадлежности населения в переписях Чехии менялся, и это оказывало влияние на итоговые цифры. В прежних переписях у каждого переписываемого учитывалась только одна самоидентификация, и результат всегда был однозначным. В более новых переписях стали учитывать и случаи второй самоидентификации. При однозначном методе учета в чехословацкой переписи 1991 г. численность русских составляла 5,1 тыс. чел., в чешской переписи 2001 г. достигла 12,4 тыс. чел. В переписи 2011 г. применяли новый метод счета, но в официальных итогах опубликовали однозначные результаты 17,9 тыс. чел. (*Population by Ethnicity 1980–2021*). В переписи 2021 г. численность русских составила 25,3 тыс. чел. с единственной идентичностью, плюс 9,2 тыс. чел., имеющих русскую идентичность наряду с иной, и совокупное количество — 34,5 тыс. чел. (*Obyv.* 2: tab. 4).

Этнические русские в Чехии являются выходцами как из России, так и Украины, а также других постсоветских государств. Официальные переписные итоги не содержат ясных и тем более полных сведений об этнической принадлежности иностранных граждан. Имеется информация, что во время чешской переписи 2021 г. граждане России указали русскую этническую принадлежность в 84% случаев. Также сообщается, что 94% находящихся в Чехии граждан Украины причислили себя к этническим украинцам (*Cizinci* 2024: 15). Однако реальная картина очевидно иная, поскольку дали ответ об этнической принадлежности далеко не все люди, прибывшие из Украины. В Чехии количество граждан Украины заметно превышает число проживающих здесь этнических украинцев: граждан Украины — 150,5 тыс. чел., этнических украинцев — 92,9 тыс., из них параллельно указали русскую самоидентификацию 1,6 тыс. чел. (*Obyv.* 2: tab. 4, tab. 11; *Obyv.* 3). Поскольку этническая принадлежность в этой переписи не была учтена почти у трети населения страны, очевидно, что другую часть выходцев из Украины в значительном числе составили незафиксированные переписью русские. Это подтверждается тем, что расселение по территории Чехии граждан Украины в точности совпадает с расселением этнических русских (Tab. 8.2).

Другим подтверждением служат данные о количестве лиц с родным русским языком. По переписи, русский язык как единственный родной указали в Чехии 59,6 тыс. чел. Это более чем в два раза больше числа лиц, указавших единственную русскую самоидентификацию. Кроме них еще 36,8 тыс. чел. назвали во время переписи русский язык своим родным наряду с другим родным языком (Tab. 9.3). Сово-

купное же количество носителей родного русского языка составило 96,4 тыс. чел., т. е. почти втрое превысило количество лиц с учтенной русской единственной и двойственной самоидентификацией (Tab. 9.2; Tab. SLD21010-KR/2). Большинство этих людей имеет именно русскую и частью украинскую идентичность, поскольку иного крупного демографического ресурса для носителей родного русского языка в Чехии попросту не существует. В 2021 г. из всего количества лиц, назвавших своим родным русский язык, самыми частыми вариантами этнической идентичности были единичные и смешанные варианты русской (47,9%), украинской (28,6%) и чешской (17%) самоидентификации, тогда как другие варианты встречались гораздо реже, на уровне одного процента и менее (Tab. SLD21SP004x/4). Показательной является география бытования в Чехии русского языка. Пропорции числа носителей родного русского языка, независимо от их гражданства, почти в точности повторяют расселение этнических русских по территории этой страны.

Таблица 1

Численности населения Чехии с русской этнической самоидентификацией и родным русским языком, перепись 2021 г.

	русские по само-идентификация		родной русский язык		граж-дане РФ	граждане других постсо-ветских госу-дарств
	все ответы	в т.ч. един-ственный	все ответы	в т.ч. един-ственный		
Чехия, всего чел.	34506	25296	96361	59560	35785	177033
г. Прага	19873	15328	47494	33546	23021	67689
Среднечешский край	4556	3180	13590	7870	4244	30078
Южнечешский край	663	436	2878	1373	526	7310
Пльзенский край	810	475	4149	1891	558	12705
Карловарский край	1493	1092	3500	2288	1645	3936
Устецкий край	1446	989	4781	2603	1191	8114
Либерецкий край	643	426	2316	1095	526	7149
Краловеградецкий край	447	275	2231	939	306	6162
Пардубицкий край	388	227	1965	810	224	6105
Высочинский край	300	185	1194	563	184	4527
Южноморавский край	2460	1794	7118	4137	2348	14732
Оломоуцкий край	432	271	1665	842	313	2925
Злинский край	299	178	1164	518	223	2759
Моравско-Силезский край	696	440	2316	1085	476	2842

Перечисленные факты дают основание для корректировки численности русских в большую сторону в сравнении с официальным переписным показателем. Это возможно при использовании сведений о доле лиц с русской идентичностью среди населения Чехии. Поскольку показатель рассчитан для совокупности жителей с известной самоидентификацией, он может быть применен для оставшегося количества лиц, зафиксированных без сведений об этнической принадлежности. Таковых в переписи Чехии в 2021 г. было 3,3 млн чел., т. е. почти треть населения страны (в

предыдущей переписи 2011 г. — более четверти). Если исходить из того, что в населении Чехии доля лиц с единственной русской самоидентификацией составляет 0,35% и двойственной в сочетании с русской — 0,13%, тогда пересчет от общей численности населения Чехии дает цифру 37 тыс. чел. с русской единственной, плюс 13,4 тыс. чел. с русско-смешанной идентичностью. Следовательно, общая численность этнических русских в Чехии может быть скорректирована до 50,4 тыс. чел.

Но и эту цифру следует рассматривать как заниженную, поскольку, как уже сказано, по той же переписи в Чехии зафиксировано 96,4 тыс. чел. с родным русским языком, т. е. гораздо большее количество. В свою очередь, данный показатель также следует скорректировать с поправкой на ту часть населения, которая переписана без сведений о родных языках (таковых в Чехии в 2021 г. было 759,4 тыс. чел. или 7,2% населения). Соответственно, в пересчете на все население Чехии, количество лиц с единственным родным русским языком, по всей видимости, составило на момент переписи 64,2 тыс. чел., а с учетом двойной, либо сложной языковой идентичности число носителей родного русского языка можно оценить на уровне 103,9 тыс. чел.

Ответ на вопрос, кто эти люди по этнической принадлежности, очевиден. У многочисленных в Чехии этнических украинцев имелась возможность указать в личном переписном листе наряду с украинским также и русский язык. Учитывая современные политические реалии, трудно представить чтобы, находясь в Чехии, многие украинцы заявили о русском языке, как единственном родном, но русский как второй родной язык из них указали 21% (Obyv. 2: tab. 5). Также далеко не все проживающие в Чехии выходцы из других постсоветских государств заявили о своем русском языке в качестве единственного родного, но в качестве второго родного — явно немалая часть. В текущих условиях Чехии русский язык, как родной, особенно, единственный, массово может указать именно население с русской этнической самоидентификацией.

Сопоставление числа лиц, имеющих этническую русскую самоидентификацию, в т. ч. русско-смешанную, с почти двукратно превосходящим числом лиц, полагающих русский язык своим единственным родным, дает представление о масштабе пропусков в переписных сведениях об этнической принадлежности. Характерно, что в итогах переписи 2021 г. в Чехии «оказалось» немало населенных пунктов, где вообще как бы нет ни одного человека с русской или русско-смешанной этнической самоидентификацией, но есть жители с родным русским языком. Эти случаи выявлены не в каком-то одном районе, а встречаются во всех регионах Чехии. Не очень понятно, являются ли пропуски учетных сведений результатом технического несовершенства переписи или это намеренное уклонение части респондентов от предоставления своих персональных данных.

Двойственность самоидентификации

Как уже сказано, в Чехии при переписи 2021 г. учитывалась как единичная, так и двойная этническая самоидентификация населения. Эта перепись показала, что среди 34,5 тыс. лиц, причисливших себя к русским, 27% параллельно имеют и другую этническую принадлежность (здесь и далее о двойственности: Tab. 3). Всего перепись насчитала более 60 вариантов русско-смешанной идентичности, причем самыми массовыми являются две — русско-чешская (14% из общего количества русских) и русско-украинская (5%). В сочетании с русской, помимо украинской, не-

редки варианты, характерные для бывших советских республик: еврейская, белорусская, казахская, армянская, молдавская, а также корейская и немецкая; реже встречается комбинация русской идентичности с азербайджанской, узбекской, эстонской, латышской, киргизской, чеченской, таджикской, туркменской. Совокупно, помимо украинской, варианты идентичности с бывшими советскими национальностями зафиксированы у 4% русских Чехии.

Без учета «постсоветских» вариантов, наряду с русско-чешской, распространена русско-мораванская/моравская идентичность (0,3%). Имеются также сочетания с другими восточно- или центрально-европейскими вариантами, такими как польская, румынская, словацкая, болгарская, венгерская, сербская, цыганская, русинская и др. (совокупно 1,3%). Иные сочетания с европейской идентификацией встречаются гораздо реже — с итальянской, французской, британской, испанской, португальской (совокупно 0,3%). Редкими являются варианты сочетания русской и северо-американской (в осн. США) идентичностью (0,1%), а также с азиатской помимо республик бывшего СССР — турецкой, монгольской, арабской, китайской, вьетнамской, индийской, японской, афганской (совокупно 0,1%).

В целом, исходя из наличия официальной статистики на 2021 г., состав русского населения Чехии выглядит следующим образом: большинство имеет только русскую самоидентификацию — 73%, а вместе с теми, кто наряду с русской имеет идентичность групп населения бывшего СССР, составляет более 80%. Остальные русско-смешанные комбинации относятся в первую очередь к восточно-европейским вариантам самоидентификации, прежде всего, к чешской, что соответствует условиям данной страны.

Таблица 2

Варианты самоидентификации русского населения Чехии, перепись 2021 г.

Самоидентификация	чел.	доля от общей численности, %
все	34 506	100,0
только русская	25 296	73,3
русская и бывш. СССР	2 983	8,6
в т. ч.:		
- украинская	1 642	4,8
- еврейская	221	0,6
- белорусская	205	0,6
- казахская	174	0,5
- немецкая (бывшие советские немцы)	165	0,5
- армянская	131	0,4
- прочие (молдавская, корейская, азербайджанская, грузинская, узбекская, эстонская, латышская и др.)	445	1,3
русская и восточно- или центрально-европейская	5 405	15,7
в т. ч.:		
- чешская	4 865	14,1

Самоидентификация	чел.	доля от общей численности, %
- мораванская	104	0,3
- польская	80	0,2
- румынская	71	0,2
- словацкая	63	0,2
- прочие (болгарская, венгерская, греческая, сербская и др.)	222	0,6
русская и др. европейская	118	0,3
в т. ч.:		
- итальянская	31	0,1
- французская	20	0,1
- прочие (британская, испанская, португальская и др.)	67	0,2
русская и северо-американская, в осн. США)	45	0,1
русская и азиатская кроме бывш. СССР	49	0,1
- турецкая, монгольская, арабская, китайская, вьетнамская	38	0,1
- прочие (индийская, японская, афганская)	11	0,03
русская и другие (в итогах не названы)	610	1,8

Русско-смешанная идентичность особенно разнообразна в столичной Праге и ее предместьях. В этой крупнейшей агломерации статистика выявляет самое массовое проживание русских, и в их среде зафиксировано более 60 вариантов смешанной самоидентификации. В других регионах Чехии варианты смешения не образуют специфических ареалов, хотя особенности все же есть. Общая тенденция такова, что в местах наибольшей численности русских замечается и наибольшее разнообразие вариантов смешения. Наряду с Прагой, разнообразие смешений характерно для окружающего столицу Среднечешского края, где переписью выявлено более 40 вариантов русско-смешанной идентичности. Разнообразие характерно и для крупнейших по числу русских краев Южноморавского с разнообразием более 30 вариантов, Карловарского и Устецкого, в каждом из которых разнообразие сочетаний идентичности превышает 20 вариантов. В местностях с меньшим количеством русских наблюдается меньшее разнообразие смешения, но и там в каждом регионе насчитывается не менее десятка вариантов — края Высочинский, Злинский.

Преобладающий вариант смешанной идентичности — русско-чешский — распространен повсеместно. На него приходится около половины случаев русско-смешанной самоидентификации. В удельном отношении немного меньше таких случаев в Праге (48%) из-за наибольшего количества недавних мигрантов; также в Пльзенском крае (48%) — по той же причине и при значительном количестве случаев русско-украинской идентичности; в Южноморавском крае (40%), где кроме того заметно бытование русско-мораванской/моравской идентичности.

Среди русских Чехии учтенная переписью русско-украинская самоидентификация по массовости занимает второе место после русско-чешской. На нее приходится порядка 18% случаев. Эта идентичность в наибольшем количестве зафиксирована

в Праге и Среднечешском крае, где проживает большинство русских и много украинцев, но по удельным показателям в соотношении с другими вариантами смешения русско-украинская самоидентификация чаще встречается не там, а именно в Пльзенском крае (32%), а также в соседнем Южночешском (26%) и Устецком краях (22%) и еще в относительно малонаселенных русскими краях Пардубицком (23%) и Кралоупеградском (22%). Наименьшая в Чехии доля русско-украинской идентичности отмечена переписью в восточных Злинском (15%), Оломоуцком (14%) и Моравско-Силезском (13%) краях, где в смешении особенно доминирует чешская идентичность, а в Оломоуцком — еще и мораванская.

Русско-мораванская (русско-моравская; по-чешски, *moravané*, *ruská-moravská*) самоидентификация встречается нечасто, но заметна в восточных регионах, особенно в Южноморавском и Оломоуцком краях, где в русско-смешанной идентичности на мораванскую приходится почти десятая доля. Кроме того, в Злинском, Моравско-Силезском, Высочинском и Пардубицком краях на этот вариант приходится по несколько процентов. Поскольку исследований на этот счет не имеется, можно полагать, что данный вариант отражает не только культурную, но и региональную принадлежность к историческому региону, а возможно и политическую мотивацию местного населения.

Русско-польская самоидентификация встречается в Чехии нечасто, в основном — в центральных и восточных регионах, прежде всего, в Пардубицком, Южноморавском и Оломоуцком краях, а также в Праге.

Русско-румынская идентичность зафиксирована переписью в разных регионах Чехии, причем в малом количестве, она бытует как в малозаселенном русскими Злинском крае, так и многонаселенной Праге.

Русско-словацкая самоидентификация также учтена переписью в разных регионах Чехии, но прежде всего, в Злинском крае, краях Пардубицком, Высочинском, Либерецком и Южночешском. Перепись учла и редкую русско-чехословацкую идентичность в Кралоупеградском крае.

Редкие случаи русско-болгарской идентичности зафиксированы в Оломоуцком крае и в некоторых других. Случаи русско-венгерской самоидентификации учтены в Пльзенском и Кралоупеградском краях.

Что касается смешения с бывшими советскими национальностями, то помимо украинской относительно заметна русско-еврейская идентичность в Южноморавском крае, Праге, Среднечешском крае и других местах массового расселения русских. Этот вариант зафиксирован и в Южночешском крае при концентрации русских в краевом центре, где находится известный университет. Распространение русско-белорусской идентичности повторяет русскую и русско-украинскую идентичность, заметна в Южноморавском крае, западных и центральных краях Устецком, Среднечешском и Кралоупеградском крае. Русско-казахская идентичность также фиксируется в местах массового расселения русских, в частности в Южноморавском крае и Праге, бытует и в малозаселенном русскими Пардубицком крае. Для русско-немецкой самоидентификации характерно ее распространение в Оломоуцком крае, а также Праге и Карловарском крае; русско-армянская идентичность учтена переписью в Карловарском крае и Праге; русско-грузинская — в Оломоуцком крае, русско-эстонская — в Карловарском крае. Русско-молдавская идентичность отличается распространенностью на востоке страны в Южночешском, Злинском и Моравско-Силезском краях, что соответствует расселению здесь выходцев из Молдовы и Украины.

Столичная концентрация и повсеместность

Из приведенных сведений видно, что русские проживают во всех административных краях Чехии. Однако они отличаются от местного большинства по конфигурации расселения. Наиболее актуальную картину на этот счет дает чешская перепись 2021 г. Ее материалы, как с учетом единственной, так и двойственной самоидентификации, следует оценивать совокупно, поскольку в отношении русских эти варианты идентичности не имеют существенных территориальных различий.

Как и другие недавние переселенческие группы Чехии, здешние русские — в основном городские жители. Они концентрируются в столичном регионе и краевых центрах, и этим заметно отличаются от основного населения.

Из общей численности русских в этой стране почти 60% проживает в Праге (19,9 тыс. чел.), плюс более 10% сосредоточено в окрестностях на территории Среднечешского края (4,6 тыс. чел.) — это прежде всего административные районы Прага-Запад, Прага-Восток, Кладно, Бороун и Нимбурк.

Стремление селиться в городских агломерациях проявляется в регионах с большим населением, таких как Южноморавский (2,5 тыс. русских) и Устецкий (1,5 тыс.). Однако в одном из самых густонаселенных Моравско-Силезском крае, граничащем на северо-востоке страны с Польшей, численность русских как раз небольшая (0,7 тыс.). В то же время русские весьма заметны на западе Чехии в относительно малонаселенном Карловарском крае (1,5 тыс.) и среднечисленном Пльзенском (0,8 тыс.) — эти регионы, граничат с Германией. В Пльзенском крае для русских особенно характерна смешанная идентичность — более 40%. Из них почти половина относит себя к чехам, что связано с местной социальной и культурной адаптацией и отчасти. смешанными русско-чешскими семьями. Другие смешения очевидно привнесены из постсоветских стран, поскольку около трети русско-смешанных самоидентификаций приходится на украинскую и по несколько процентов — на белорусскую, молдавскую, еврейскую и (полагаем, советско- / российско-) немецкую.

В остальных регионах, вне зависимости от размеров основного населения, русские проживают небольшими группами. Они относительно заметны в Южночешском и Либерецком краях (по 0,6 тыс. чел.), менее заметны в Краловеградском, Оломоуцком и Пардубицком краях (по 0,4 тыс.) и наименее заметны в Высочинском и Злинском краях (по 0,3 тыс.). Среди перечисленных Пардубицкий и Злинский края выделяется повышенным смешением. В первом более половины смешений приходится на русско-чешскую идентичность, пятая часть — на сочетание с украинской, по несколько процентов приходится на варианты смешения с мораванской, польской и словацкой. За исключением украинской идентичности, в основном связанной со странами исхода, остальные варианты имеют местное происхождение. Сочетание с чешской идентичностью распространено в Злинском крае — без малого две трети смешений. Здесь на втором месте, хотя и реже, бытует сочетание с украинской идентичностью. Несмотря на то, что в регионе проживает много этнических словаков и сам регион соседствует со Словакией, на русско-словацкую самоидентификацию приходится лишь несколько процентов. Из числа других местных вариантов имеется небольшое количество русско-румынских, а из числа миграционно обусловленных встречаются русско-молдавские и русско-казахские варианты самоидентификации.

Устремления русских и русскоязычных проявляются и в том, чтобы обосноваться в западной Чехии, исторической Богемии, прежде всего, в краях Карловарском, Устец-

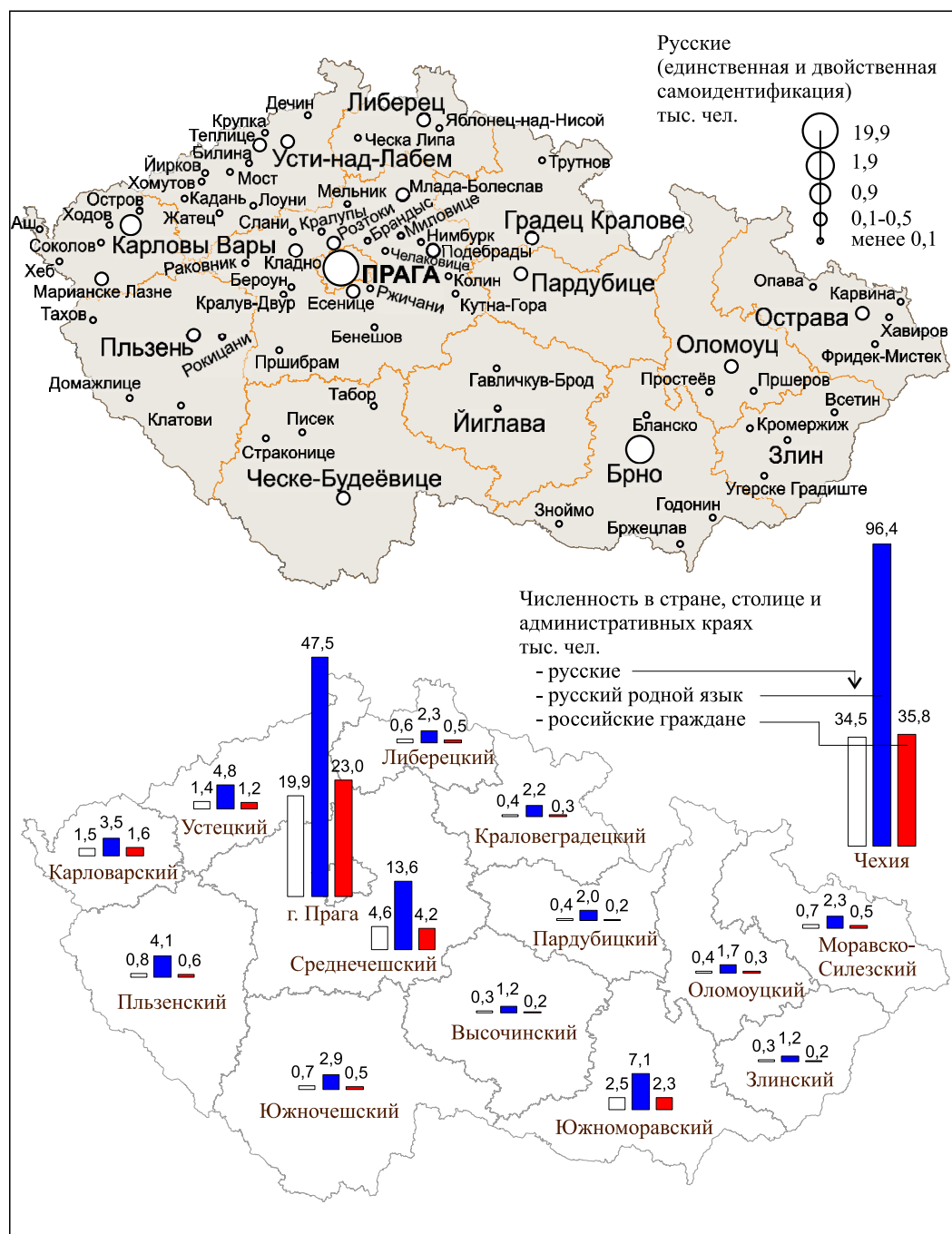

Рис. 1. Русское и русскоязычное население Чехии, перепись 2021 г.

ком, Пльзенском. Эти регионы граничат с Германией и имеют хорошее транспортное сообщение с землями Баварии и Саксонии, где также немало русского и русскоязычного населения. Особенно притягательным в западной Чехии стал всемирно известный город-курорт Карловы Вары и соседние приграничные города Хеб и Соколов. Также русских иммигрантов привлекает крупный промышленно-коммерческий и академический г. Пльзень. Что касается Устецкого края, с его развитой промышленностью, притягательным в его пределах оказался не только административный центр г. Устинад-Лабем (который представляет важный узел транс-европейского транспортного коридора на участке от Праги до немецкого Дрездена), но и соседний город-курорт Теплице, а также близлежащий г. Хомутов. В свою очередь, южная Богемия менее интересна переселенцам. В административном отношении это Южночешский край, который, хотя и расположен по соседству с Австрией, но все же по большей части представляет собой сельский регион. Здешние русские сосредоточены в краевом центре г. Ческе-Будеёвице (там же расположен Южночешский университет). Еще менее русские желают обосноваться к северу от Праги в приграничных с Польшей северо-богемских краях Либерецком и Краловеградецком. Эти регионы специализируются на сельскохозяйственном производстве и связанной с ним текстильной индустрии. В первом из них русские населяют административный центр г. Либерец и г. Ческа-Липа, это крупнейшие здесь города; во втором — краевой центр г. Градец-Кралове. В целом же историческое пространство Богемии вмещает более 80% русских Чехии.

Другой, гораздо меньший очаг русского расселения расположен в юго-восточной и восточной Чехии в пределах исторической Моравии. Как и другие постсоветские мигранты, русские сосредоточены здесь в Южноморавском крае, прежде всего, в центральном г. Брно и пригороде. Этот мегаполис возглавляет одну из крупнейших в Чехии агломераций и является важнейшим экономическим и научным центром страны. Его притягательность объясняется широким выбором профессиональных возможностей — от научных до всевозможных городских специальностей. Гораздо меньше русских стремится в соседний Оломоуцкий край, где они в основном проживают в промышленном, транспортном и научном центре г. Оломоуце. Как в Южноморавском, так и Оломоуцком крае переписная статистика фиксирует у здешних русских заметное количество случаев русско-мораванской самоидентификации, что связано с соответствующими формами культурного смешения на бытовом и семейном уровне. Кроме того, Оломоуцкий край известен своими языковыми и культурными особенностями местных жителей *ганаков*, выделяющих себя не только из обще-чешской, но и чешско-мораванской среды. Их культурное влияние на малочисленное русскоязычное население здесь явно сказывается.

Третий, еще меньший, очаг русского присутствия находится на северо-востоке Чехии в пределах исторической чешской Силезии у границы с Польшей и Словакией и тоже приурочен к крупной городской агломерации. Здешние русские проживают в промышленном и научном г. Острава, являющемся административным центром Моравско-Силезского края. Заметное количество русских обосновалось и в пограничном г. Карвина, небольшое количество — в близлежащих машиностроительных городах Фридек-Мистек, Нови-Йичин, Опава.

Гораздо меньше русских проживает в переходной зоне между Богемией и Моравией — в Пардубицком и Высочинском краях. Там русские сосредоточены в административных центрах — городах Пардубице и Йиглава.

В самой восточной части Моравии, граничащей со Словакией, Злинском крае, русских менее всего. Они населяют административный центр г. Злин и города Угерске-Градиште, Всетин и Кромержиж.

Будучи в основном жителями крупных и средних городов, русские в Чехии нигде не составляют численно заметную долю населения. Согласно переписи 2021 г., их удельный вес в Чехии не превышает 0,5% (среди тех, чья этническая принадлежность учтена, в т. ч. принадлежность двойственная). Наибольших значений, порядка 3%, доля русских достигает в г. Карловы Вары и в столичных предместьях района Прага-Запад — местечки (общины) Горомержице и Хине. В том же районе в двух городках Есенице и Розтоки русские составляют около 2% жителей. Они проживают и в десятках других населенных пунктов возле столицы. В самой Праге доля русских среди жителей также составляет 2%. Русские насчитывают 1,5% из числа местных жителей в г. Теплице, а также курортном городке Марианске-Лазне (карловарский район Хеб). Их доля равняется 1% в курортном городке Подебрады (среднечешский район Нимбурк). Чуть менее процента русские составляют в крупных городах Брно и Кладно. В других, значительных по числу жителей административных центрах, таких как Пльзень, Либерец, Усти-над-Лабем, Ческе-Будеёвице, Пардубице, Оломоуц, на долю русских в составе местных жителей приходится по 0,3–0,4%, а в городах Градец Кралове и Острава — по 0,2%.

Демография

Следует иметь в виду, что разграничение по этническим категориям, имеющееся в исходных демографических данных официальной статистики, носит условный характер. Поскольку русские в Чехии не являются замкнутой группой и в известной мере образуют демографическое единство с другими выходцами из постсоветских государств, а отчасти и с жителями страны вселения, анализ по возрасту и полу более уместен в отношении совокупного количества лиц как с русской единственной, так и русской двойственной самоидентификацией.

Рассмотрение этой совокупности показывает, что возрастной состав русских в Чехии имеет явные переселенческие черты — повышенный удельный вес молодежи и людей раннего среднего возраста при небольшой доле детей и относительно небольшом количестве пожилого населения. По переписи 2021 г., из общей численности русских Чехии 45%, т. е. почти половина, пришлась на лиц в возрасте 20–40 лет. Это существенное отличие от остального населения, в составе которого данная возрастная категория имеет почти в два раза меньшую долю. Более 30% русских Чехии составляет молодежь 18–29 лет, что в разы выше, чем у населения в целом. По доле молодежи русские выделяются в Чехии и среди других выходцев из постсоветских государств (среди местных белорусов доля молодежи 29%, украинцев — 21%, молдаван — 19%).

В составе русских на долю детей до 14 лет и на старшее поколение в возрасте от 60 лет приходится в Чехии по 12%. Невысокая детность русских связана с молодым контингентом недавних переселенцев, а относительно заметное число лиц старшего возраста сложилось в результате переезда в эту страну специалистов высшей квалификации.

Таблица 3

Возрастной состав русского населения Чехии (единственная и двойственная этническая самоидентификация), перепись 2021 г.

	русские в Чехии			другие выходцы из бывшего СССР ¹	все население Чехии
	все	мужчины	женщины		
Всего, чел.	34506	14578	14578	127545	10524167
по возрасту, %	100	100	100	100	100
0-9 лет	8,5	10,4	7,2	7,0	10,6
10-19	10,4	12,5	8,9	7,8	10,2
20-29	25,6	24,3	26,5	16,6	10,2
30-39	18,6	18,6	18,6	20,8	13,4
40-49	13,2	12,9	13,5	21,6	16,5
50-59	11,6	11,7	11,4	13,4	12,9
60-69	7,2	6,5	7,7	6,4	12,2
70-79	3,0	2,3	3,6	3,9	9,9
80-89	1,6	0,7	2,2	2,2	3,6
90 лет и более	0,2	0,1	0,3	0,3	0,6

Как результат, средний возраст русских в Чехии определен переписью на уровне 35,2 лет. При этом средний возраст мужчин несколько ниже — 33,3 года, женщин — 36,5 лет, что объясняется сравнительно большей долей женщин в пожилом возрасте по естественно-демографическим причинам (для сравнения: в России в том же 2021 г. средний возраст русского населения составил 41,4 лет, мужчин — 38,7 лет, женщин — 43,7 лет).

Вместе с тем, зафиксированная чешской переписью численность женщин среди русского населения Чехии существенно превосходит учтенное количество мужчин. Перекос особенно заметен в миграционно активных молодых и средневозрастных категориях. Этот феномен просматривается вполне отчетливо как в переписи 2011 г., во время которой женщин оказалось на треть больше мужчин (Tab. 152), так и в переписи 2021 г., согласно которой, женщин больше на четверть. Это довольно странно, учитывая, что мужчины зачастую принимают более активное участие в переселениях, что подтверждалось общей миграционной статистикой Чехии и наблюдениями исследователей (Четверикова 2015: 51; Гулина 2018: 564). (В России русское население тоже демографически разбалансировано по полу, но не в такой степени — переписное число женщин превысило в 2021 г. число мужчин на полтора десятка процентов).

Перекас по полу в некоторой степени объясняется тем, что часть иностранной молодежи в Чехии составляют студенты и среди них велик женский контингент. Но такое объяснение не может быть исчерпывающим. Следует также исключить или, по крайней мере, не преувеличивать воздействие политических факторов: в обеих чешских переписях 2011 и 2021 гг., и особенно в первой, указанный демографиче-

¹ Здесь и далее, если не указано особо, расчеты в отношении группы «другие выходцы из постсоветских государств» приводятся по доступным из официальной статистики сведениям о социально-демографических характеристиках населения по этническим категориям: украинцы, белорусы, молдаване, а также немцы (советские, российские немцы включены на основании наличия родного русского языка).

ский дисбаланс очевидно не возник под влиянием событий, вызванных конфликтом на Украине (проводимой в этой стране мобилизацией и ограничениями на выезд за рубеж мужчин призывного возраста).

Основная же причина диспропорции — это недоучет статистики, а именно: недостаток переписных сведений об этнической принадлежности мужчин, которые реже участвуют в переписи лично. Если человека переписывают заочно, тем более, руководствуясь административными источниками, сведения о его этнической принадлежности могут быть пропущены.

Семьи и домохозяйства

В официальных итогах чешских переписей нет сведений в разбивке по этническим категориям о лицах, состоящих в браке, нет и сведений о количестве этнически смешанных браков. Такие данные отсутствуют и в системе текущего демографического учета (прекращены с 1994 г.). Некоторое представление о брачном смешении дают материалы о количестве браков граждан Чехии с иностранцами. Согласно этим данным, обычно заключаются браки между гражданином Чехии и гражданкой одного из постсоветских государств, и реже вступают в брак женщины чешского гражданства с иностранцами из упомянутых стран. Из числа таких браков наибольшее количество заключено с женщинами-гражданками Украины, что соответствует преобладающему количеству выходцев из этой страны. На втором месте — браки с гражданками России (Cizinci 2025: 66). Однако по удельным показателям, в зависимости от гражданства невест, имеются некоторые различия. Это следует из анализа статистики браков за сопоставимый с переписями период с 2011 г. по 2021 г. По количеству женщин с одним и тем же гражданством — заключивших брак с гражданином Чехии (данные текущей регистрации) и женщин, которые на тот период находились в активном брачном возрасте 20–39 лет (данные переписей), — видно, что на каждые 100 женщин этого возраста, имеющих гражданство Молдавии, 10 вступили в брак с гражданами Чехии; из имеющих гражданство Казахстана заключили такой брак 12 женщин; среди женщин с украинским гражданством — 17; среди россиянок — 19; среди женщин с белорусским гражданством — 23. Нет уверенности в постоянстве этих различий, но, по крайней мере, в рассматриваемый продолжительный период предпочтение брачного партнерства было заметно у женщин из Беларуси, России и Украины. Впрочем, не исключено, что некоторые женихи с чешским гражданством были не местные, а русскоязычные выходцы из постсоветских государств.

По нашей оценке, 11% проживающих в Чехии российских граждан являются членами смешанных домохозяйств. Но это, конечно, не является показателем смешения этнического. В открытом доступе нет сведений чешской переписи 2021 г. о размерах семей и домохозяйств с учетом их этнического состава. Косвенное представление можно получить по данным о домохозяйствах иностранных граждан. Поскольку, как уже сказано, в этой переписи отнесли себя к русской этнической принадлежности более 80% проживающих в Чехии российских граждан, сведения о гражданской принадлежности домохозяйств могут служить основанием для общего представления о русских семьях в этой стране. Напомним также, что русская этническая принадлежность имеется у некоторого количества проживающих в Чехии граждан Украины, Белоруссии, Казахстана и др. постсоветских государств.

Перепись учла в Чехии 16,4 тыс. домохозяйств российских граждан с общим количеством проживающих в них 31,7 тыс. чел. Соответственно, средняя людность в расчете на одно домохозяйство россиян составила 1,9 (у граждан Чехии показатель несколько выше — 2,2, у украинских граждан — 1,8). Почти половина домохозяйств россиян состоит только из 1 человека — 45%, а домохозяйств по 2 чел. насчитывается менее одной трети — 29% (среди украинских граждан малолюдность домохозяйств выражена еще острее — по 1 чел. 56%, по 2 чел. 20%). Малолюдность домохозяйств характерна для недавно или относительно недавно прибывшего населения, а также связана со значительной долей молодых людей. Домохозяйства российских граждан, насчитывающие по 3 чел. и более, составляют немногим более четверти (у граждан Чехии — 35%, у проживающих здесь украинских граждан — 24%) (Cizinci 2024: 20). Соответственно, полные семьи с детьми могут составлять менее указанного количества.

Источники и материалы

- Закон 273/2001 — Закон Чешской Республики № 273/2001 от 10.07.2001 «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам».
- Российский статистический 2018 — Российский статистический ежегодник. 2018. М.: Росстат, 2018. 694 с.
- Россия и страны 2021 — Россия и страны — члены Европейского союза. Статистический сборник 2021. М.: Росстат, 2021. 267 с.
- Сведения о международной 2023 — Сведения о международной миграции // Росстат: [электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mejdunar_migr_1997-2023.xlsx
- Численность и миграция 2024 — Численность и миграция населения в 2023 г. // Статистический бюллетень. М.: Росстат, 2024. Таб. 2.5. Международная миграция.
- Cizinci v České 2025 — Cizinci v České republice 2025. Foreigners in the Czech Republic 2025. Praha / Prague: Czech Statistical Office, 2025.
- Cizinci v České 2024 — Cizinci v České Republice podle výsledků sčítání lidu 2021. Sčítání lidu, domů a bytů. Odbor statistiky obyvatelstva [Иностранцы в Чешской Республике по результатам переписи населения 2021 года. Перепись населения и жилищного фонда. Департамент статистики населения]. Praha: Český statistický úřad, 2024.
- Number of Foreigners 2026 — Number of Foreigners, Demographic Events // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://csu.gov.cz>
- Obyv. 1 — Obyvatelstvo podle místa bydliště v době narození podle výsledků sčítání lidu. Sčítání lidu domů a bytů 2021 [Численность населения по месту жительства на момент рождения по результатам переписи населения 2021 г]. Praha: Český statistický úřad: [электронный ресурс]. 2024.
- Obyv. 2 — Obyvatelstvo, domy, byty a domácnosti podle výsledků sčítání lidu — 2021 [Население, дома, квартиры и домохозяйства по результатам переписи населения — 2021 год]. Praha: Český statistický úřad: [электронный ресурс]. 2025.
- Obyv. 3 — Obyvatelstvo podle národnosti a krajů v roce 2021 (včetně dvou národností) [Население по национальностям и регионам в 2021 году (включая две национальности)] // Cesky statisticky úřad: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/narodnost>
- Obyv. 4 — Obyvatelstvo podle věku, státního občanství a pohlaví 2011 [Население по возрасту, гражданству и полу, 2011] // Cesky statisticky úřad: [электронный ресурс]. <https://vdb.czso.cz>
- Population by Ethnicity 1980–2021 — / Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://data.statistika.cz>
- Scitani lidu 2021 — Scitani lidu, domu a bytu 2021. Pramenné dílo [Перепись населения и жилищного фонда. Работа с источниками]. Praha: Cesky statisticky úřad: [электронный ресурс]. 2024.

- Tab. 2.1 — Tab. 2.1. Population by Citizenship and Sex Between 1991–2021 // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/ethnicity>
- Tab. 614e — Tab. 614e. Obyvatelstvo podle věku, státního občanství a pohlaví 2011 // Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Численность населения по возрасту, гражданству и полу 2011 / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Tab. 8.2 — Tab. 8.2. Population by Selected Ethnicity and Region 2021 // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/ethnicity>
- Tab. 9.2 — Tab. 9.2. Population by Selected Mother Tongue and Region 2021 // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/ethnicity>
- Tab. 9.3 — Tab. 9.3. Population by Selected Mother Tongue and Combinations of Mother Tongues 2021 // Czech Statistical Office: [электронный ресурс]. <https://scitani.gov.cz/ethnicity>
- Tab. 152 — Tab. 152. Obyvatelstvo podle národnosti, pohlaví a podle věku 2011 / Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Численность населения по национальности, полу и возрасту 2011 / База данных, Чешское статистическое управление] <https://vdb.czso.cz>
- Tab. SLD21010-KR/2 Tab. SLD21010-KR/2. Obyvatelstvo podle vybraného mateřského jazyka, pohlaví a krajů 2021 / Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Население по отдельным родным языкам, полу и регионам. 2021 / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Tab. SLD21051-CR/2 — Tab. SLD21051-CR/2. Obyvatelstvo podle věku, státního občanství a pohlaví 2021 // Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Численность населения по гражданству, возрастным группам и полу 2021 / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Tab. SLD21SP004x/4 — Tab. SLD21SP004x/4. Obyvatelstvo podle národnosti a podle mateřského jazyka a pohlaví 2021 // Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Население по национальности, родному языку и полу / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Tab. SLD21SP005x/4 — Tab. SLD21SP005x/4. Obyvatelstvo podle národnosti a podle nejvyššího dosaženého vzdělání, ekonomické aktivity, postavení v zaměstnání a odvětví ekonomické činnosti 2021 // Databáze ČSU: [электронный ресурс]. [Население по национальности, уровню образования, экономической активности, занятости и секторам экономики 2021 / База данных, Чешское статистическое управление]. <https://vdb.czso.cz>
- Zpráva o situaci 2022 — Zpráva o situaci v oblasti migrace a integrace cizinců na území České republiky v roce 2021. Parlament České republiky. Poslanecká sněmovna. 9. volební období [Доклад о ситуации в сфере миграции и интеграции иностранцев в Чешской Республике в 2021 г. Парламент Чешской Республики. Палата депутатов. 9-й избирательный созыв]. Praha, 2022.

Научная литература

- Ведерников М. В. Внешние и внутренние вызовы для Чехии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 6. С. 15–23. <https://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620211523>
- Гранатова Я., Барышников Е. Н. История, современная ситуация и перспективы преподавания русского языка в Чехии // Русистика. 2012. № 3. С. 121–124.
- Гулина О., Позняк А. Между Европой и Россией: география миграционных потоков из Украины после 2014 г. // ЖИСП (Журнал исследований социальной политики). 2018. № 4. С. 561–576.
- Земанек Л. Русофобия и трансформация чешской либеральной демократии в связи с украинским кризисом // Перспективы. 2022. № 1 (28). С. 46–60. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-1-46-60>
- Земанек Л. Чехия и украинский кризис: экономические и внешнеполитические аспекты // Перспективы. 2022. № 2 (29). С. 62–82. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-62-82>
- Земанек Л. Чешская либеральная демократия в упадке // Перспективы. 2025. № 2 (41). С. 83–94. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-2-83-94>

- Ильин А. Н. Русофобия в Чехии // Свободная мысль. 2020. № 4 (1682). С. 125–138.
- Карел С. Чешско-российские отношения сквозь призму концепта мягкой силы // ВЕЦЖ (Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал). 2022. № 1 (13). С. 21–34.
- Китаева Т. С. Тенденции развития политики памяти в странах Центральной Европы (на примере Чехии и Словакии) // ВЕЦЖ (Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал). 2025. № 1–2. С. 41–61. <https://doi.org/10.24412/2686-9756-2025-1-2-41-61>
- Население России: демографические итоги 2013 года // Демографическое обозрение. Т. 1. № 3. 2014. С. 5–32. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i3.1808>
- Пешикова М., Джинджолия Г. Новейшие методики преподавания русского языка и литературы в Западночешском университете в городе Пльзене // Русский язык и литература в современном мире. 2025. № 1. С. 293–303.
- Розбуйдова Л., Конечны Я., Маркова Е. М. Школьные учебники русского языка в Чехии сегодня: плюсы и минусы // Русистика. 2019. № 1. С. 90–102. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-1-90-102>
- Свиридова М. В. Товарная торговля России с Чехией и Словакией в 2012–2021 годах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 6. С. 238–251. <https://doi.org/10.31249/kgf/2022.06.12>
- Свиридова М. В. Торговое взаимодействие Чехии и Словакии с Россией — изменения с 2022 года // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2025. № 4. С. 27–53. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2025-4-27-53>
- Свиридова М. В. Экономические отношения Чехии и Словакии с Россией в 2022–2023 годах // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2024. № 6. С. 34–53. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-6-34-53>
- Трофимов П. А. Внешняя политика Чехии в отношении стран Восточной Европы в 1993–2021 гг.: общее и частное // ВЕЦЖ (Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал). 2023. № 3 (19). С. 35–53.
- Трухачёв В. В. Парламентские выборы 2025 г. в Чехии: исправление антироссийской аномалии // Перспективы. 2025. № 4 (43). С. 23–40. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-4-23-40>
- Форет И. В. Россия как универсальный «Другой» (динамика российских образов в чешских СМИ в 2015 году) // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 1–10.
- Чеснокова П., Чесноков И. И. Русский язык в современной Чехии (фрагмент социолингвистического исследования) // Известия ВГПУ. 2019. № 10 (143). С. 214–218.
- Четверикова А. С. Иммиграция в Чехию: притягательность растёт // Современная Европа. 2015. № 3 (63). С. 49–57. <https://doi.org/10.13211/soveurope32154957>
- Четверикова А. С. Чехия как внешнеэкономический партнёр России. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 130 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0553-6>
- Щербакова Ю. А. Чехи и словаки: отношения в конце XX — начале XXI в. // Восточная Европа: Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в. / отв. ред. Игрицкий Ю. И., Шаншиева Л. Н. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 150–166.
- Drbohlav D. Migration Trends in Selected EU Applicant Countries. V. II — The Czech Republic. Vienna: International Organization for Migration (IOM), 2004. 146 p.
- Filipec O., Przetaková N. Navigating Highly Skilled Migration in Czechia: Soft Landing or Chilly Reception? // Český lid. 2026. No 113 (2). P. 153–182. <https://doi.org/10.21104/CL.2026.2.02>
- Ignatyeva E. Symbolic and Social Boundaries of the Integration of Russian Immigrants in Czechia // AUC Geographica. 2020. No 55 (2). P. 1–12. <https://doi.org/10.14712/23361980.2020.1>
- Jirka L. Extended Kinship and Mobility: The Influence of Non-Nuclear Family Ties on the Migration of Young Ukrainians // Český lid. 2025. No 112. P. 233–251. <https://doi.org/10.21104/CL.2025.2.04>
- Klvaňová R. ‘The Russians Are Back’: Symbolic Boundaries and Cultural Trauma in Immigration from the Former Soviet Union to the Czech Republic // Ethnicities. 2018. 19 (1). P. 136–155. <https://doi.org/10.1177/1468796817752740>

- Pipková K., Salačová K. Ruská národnostní menšina v Čechách // Hospodářská a kulturní studia PEF ČZU v Praze, 2009. http://www.hks.re/wiki/rusove_v_cechach
- Vavrečková J., Dobiášová K. Začlenění ruské komunity do většinové společnosti (Incorporation of Russian community into majority society) // Výzkumný ústav práce a sociálních věcí, v.v.i., Univerzita Karlova v Praze, Fakulta sociálních věd. Praha: VÚPSV, 2015. 80 p.

References

- Chesnokova, P., and I. I. Chesnokov. 2019. Russkii yazyk v sovremennoi Chekhii (fragment sotsiolingvisticheskogo issledovaniia) [Russian Language in Modern Czechia (The Fragment of Sociolinguistic Research)]. *Izvestiia VGPU* 10(143): 214–218.
- Chetverikova, A. S. 2015. Immigratsiia v Chekhii: pritagatel'nost' rastet [[Immigration to the Czech Republic: Growing Attractiveness]. *Sovremennaiia Evropa* 3(63): 49–57. <https://doi.org/10.13211/soveurope32154957>
- Chetverikova, A. S. 2019. *Chekhii kak vneshneekonomicheskii partner Rossii* [The Czech Republic as a Foreign Economic Partner of Russia]. Moscow: IMEMO. 130 p. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0553-6>
- Drbohlav, D. 2004. *Migration Trends in Selected EU Applicant Countries*. Vol. II — *The Czech Republic*. Vienna: International Organization for Migration (IOM). 146 p.
- Filipec, O., and N. Przetaková. 2026. Navigating Highly Skilled Migration in Czechia: Soft Landing or Chilly Reception? *Český lid* 113(2): 153–182. <https://doi.org/10.21104/CL.2026.2.02>
- Foret, I. V. 2016. Rossiia kak universal'nyi «Drugoi» (dinamika rossiiskikh obrazov v cheshskikh SMI v 2015 godu) [Russia as Universal «Other» (Dynamics of Russian Images in Czech Media in the 2015)]. *APRIORI. Serii: Gumanitarnye nauki* 2: 1–10.
- Granatova, Ya., and E. N. Baryshnikova. 2012. Istoriia, sovremennaiia situatsiia i perspektivy prepodavaniia russkogo iazyka v Chekhii [Teaching Russian in Czech Republic: History, Modern State and Perspectives]. *Rusistika* 3: 121–124.
- Gulina, O., and A. Pozniak. 2018. Mezhdú Evropoi i Rossiei: geografiia migratsionnykh potokov iz Ukrainy posle 2014 g. [Ukrainian Migration to Russia and Europe: New Trends and its Consequences]. *Zhurnal issledovanií sotsial'noi politiki* 4: 561–576.
- Ignatyeva, E. 2020. Symbolic and Social Boundaries of the Integration of Russian Immigrants in Czechia. *AUC Geographica* 55(2): 1–12. <https://doi.org/10.14712/23361980.2020.1>
- Iliin, A. N. 2020. Rusofobiia v Chekhii [Russophobia in the Czech Republic]. *Svobodnaia mysl'* 4 (1682): 125–138.
- Institut demografii NIU VShE. 2014. Naselenie Rossii: demograficheskie itogi 2013 goda [Population of Russia: Demographic Results 2013. A Brief Report]. *Demograficheskoe obozrenie* 1(3): 5–32. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i3.1808>
- Jirka, L. 2025. Extended Kinship and Mobility: The Influence of Non-Nuclear Family Ties on the Migration of Young Ukrainians. *Český lid* 112: 233–251. <https://doi.org/10.21104/CL.2025.2.04>
- Karel, S. 2022. Cheshsko-rossiiskie otnosheniia skvoz' prizmu kontsepta miagkoi sily [Czech-Russian Relations through the Prism of the Soft Power Concept]. *Visegradskaia Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal* 1(13): 21–34.
- Kitaieva, T. S. 2025. Tendentsii razvitiia politiki pamiati v stranakh Tsentral'noi Evropy (na primere Chekhii i Slovakii) [Trends in the Development of Memory Politics in Central European Countries (on the Example of Czechia and Slovakia)]. *Visegradskaia Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal* 1–2: 41–61. <https://doi.org/10.24412/2686-9756-2025-1-2-41-61>
- Klvaňová, R. 2018. 'The Russians Are Back': Symbolic Boundaries and Cultural Trauma in Immigration from the Former Soviet Union to the Czech Republic. *Ethnicities* 19(1): 136–155. <https://doi.org/10.1177/1468796817752740>
- Peshkova M., and G. Gingolija. 2025. Noveishie metodiki prepodavaniia russkogo iazyka i literatury v Zapadnocheshskom universitete v gorode Pl'zene [Modern Teaching Methodologies

- for Russian Language and Literature at the University of West Bohemia in Pilsen]. *Russkii yazyk i literatura v sovremennom mire* 1: 293–303.
- Pipková, K., and K. Salačová. 2009. Ruská národnostní menšina v Čechách [Russian National Minority in Bohemia]. *Hospodářská a kulturní studia PEF ČZU v Praze*. http://www.hks.re/wiki/rusove_v_cekach
- Rozboudova, L., J. Konecny, and E. M. Markova. 2019. Shkol'nye uchebniki ruskogo yazyka v Chekhii segodnia: pliusy i minusy [Modern Russian Textbooks for Schools in Czech Republic: Advantages and Disadvantages]. *Rusistika* 1: 90–102. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-1-90-102>
- Shcherbakova, Yu. A. (2016). Chekhi i slovaki: otnosheniia v kontse XX — nachale XXI v. [Czechs and Slovaks: Relations in the Late 20th — Early 21st Century]. In *Vostochnaia Evropa: Mezghosudarstvennye i etnosotsial'nye otnosheniia v XXI v.* [Eastern Europe: Interstate and Ethnosocial Relations in the 21st Century], ed. by Yu. I. Igritskii and L. N. Shanshieva. Moscow: INION RAN. 150–166.
- Sviridova, M. V. 2022. Tovarnaia trgovlia Rossii s Chekhiei i Slovakiei v 2012–2021 godakh [Commodity Trade of Russia with the Czech Republic and Slovakia in 2012–2021]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* 6: 238–251. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.12>
- Sviridova, M. V. 2024. Ekonomicheskie otnosheniia Chekhii i Slovakii s Rossiei v 2022–2023 godakh [Economic Relations of the Czech Republic and Slovakia with Russia in 2022–2023]. *ETAP: Ekonomicheskaiia Teoriia, Analiz, Praktika* 6: 34–53. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-6-34-53>
- Sviridova, M. V. 2025. Torgovoe vzaimodeistvie Chekhii i Slovakii s Rossiei — izmeneniia s 2022 goda [Trade Relations Between the Czech Republic, Slovakia, and Russia: Changes Since 2022]. *ETAP: Ekonomicheskaiia Teoriia, Analiz, Praktika* 4: 27–53. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2025-4-27-53>
- Trofimov, P. A. 2023. Vneshniaia politika Chekhii v otnoshenii stran Vostochnoi Evropy v 1993–2021 gg.: obshchee i chastnoe [Czech Foreign Policy Towards Eastern European Countries in 1993–2021: General Trends and Specificities]. *Visegradskaia Evropa. Tsentral'noevropeiskii zhurnal* 3 (19): 35–53.
- Trukhachev, V. V. 2025. Parlamentskie vybory 2025 g. v Chekhii: ispravlenie antirossiiskoi anomalii [The 2025 Czech Parliamentary Elections: Rectifying the Anti-Russian Anomaly]. *Perspektivi* 4(43): 23–40. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-4-23-40>
- Vavrečková J., and K. Dobiašová. 2015. *Začlenění ruské komunity do většinové společnosti* [Incorporation of Russian Community into Majority Society]. Praha: VÚPSV (Výzkumný ústav práce a sociálních věcí, v.v.i., Univerzita Karlova v Praze, Fakulta sociálních věd). 80 p.
- Vedernikov, M. V. 2021. Vneshnie i vnutrennie vyzovy dlia Chekhii [External and Domestic Challenges for Czech Republic]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN* 6: 15–23. <https://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620211523>
- Zemanek, L. 2022a. Rusofobia i transformatsiia cheshskoi liberal'noi demokratii v sviazi s ukrainskim krizisom [Russophobia and the Transformation of Czech Liberal Democracy in the Context of the Ukrainian Crisis]. *Perspektivi* 1(28): 46–60. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-1-46-60>
- Zemanek, L. 2022b. Chekhiia i ukrainskii krizis: ekonomicheskie i vneshnepoliticheskie aspekty [Czechia and the Ukrainian Crisis: Economic and Foreign Policy Aspects]. *Perspektivi* 2(29): 62–82. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-62-82>
- Zemanek, L. 2025. Cheshskaia liberal'naia demokratsiia v upadke [The Decline of Czech Liberal Democracy]. *Perspektivi* 2(41): 83–94. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2025-2-83-94>